

Спой песню камням

Катя Кожевникова

Катя Кожевникова

Спой песню камням

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68858880

SelfPub; 2023

Аннотация

Самое ценное, что есть у людей – память. В мире, где живет Тарпин – ученик мага, сохранить воспоминания можно при помощи особых заговоренных амулетов. Вот только помогают маги лишь богатым и знатным. А само искусство плетения амулетов заковано в огромное количество ограничений. Сможет ли Тарпин найти свое место среди других магов? И хватит ли ему смелости выйти за рамки установленных правил, чтобы помочь другому?

Катя Кожевникова

Спой песню камням

Глава 1

– Это недопустимо!

– Почему?

– Потому что мы должны следовать правилам и законам.

Неукоснительно. А эти твои дурацкие фантазии...

– Мастер Эурт, но ведь правила тоже когда-то кто-то придумал?

– Повергнут нас в Хаос! Я учу тебя уже лет восемь, и все эти годы ты проявляешь своеволие и халатность. Я учу вытягивать золотые нити – он убегает искать «золотые колоды» в поле. Учю заговаривать драгоценные камни – он поет обычным. А теперь еще эта...

– Роса, Мастер. Она не хуже драгоценных камней, когда становится твердой...

– Конечно, роса. Хаос бородатый, почему ты не можешь просто делать то, что говорят?

Где-то справа хихикает Тилли – любимая ученица, примерная. Всегда идеально следует инструкциям. И очень забавляется, когда менее успешному подмастерью устраивают взбучку.

– У меня дел по горло. А у тебя все как будто шутки и игры, – наставник злится и раздраженно накручивает на палец

кудрявый ус.

– Но если бы мы смогли использовать не такие дорогие материалы, то магия бы стоила дешевле. Зачем переводить столько...

«Ну-ка, тихо!» – чародей шипит на меня и нервно оглядывается. В дальнем углу гостевого зала стоит фигура в плаще. Очередной заказчик пришел. Вечером вернемся к разговору. А пока иди и почитай свитки».

За столько лет учебы я не единожды прочитал все книги и свитки в библиотеке, и он об этом знает. Мастер Эурт и человек в плаще скрываются в кабинете. А я вынырываю из душных комнат особняка в огромный сад.

***

Меня зовут Тарпин, мне 17 лет. Я ученик амулетчика. Еще нас называют плетунами и ловцами воспоминаний. Мастер Эурт нашел меня на улице среди других мальчишек- Попрошаек. Сказал, что у меня есть чутье мага, а это редкий и ценный талант. Учитель он хороший, только характер тяжеловат, да и рука тоже.

Амулетчики – это маги, которые плетут из драгоценных металлов, камней и золотых нитей особые узорчатые обереги. В каждый такой предмет заключаются самые яркие и счастливые воспоминания, которые люди просят нас сохранить. Плетуны вкладывают в свою работу сложную многоступенчатую магию: заговаривают каждую нить и прутик, наговаривают камням воспоминания, поют заклинания много

часов, пока полностью не доделают амулет. Необходимо чувствовать и подбирать камни, которые подходят для воспоминаний. А для этого нужно «слышать» их. Чувствовать, как они резонируют, и петь схожие песни в ответ. Я учусь уже около десяти лет, а до мастерства учителя мне еще далеко. Чародей Эурт очень злится, если мы портим дорогие материалы.

Работа сложная, но интересная, и результат потрясающий. Человек получает свой личный новенький ловец, сверкающий всеми оттенками радуги. Дотрагивается до заговоренного камня – и вновь проживает свой счастливый момент. Ярко, словно наяву. И может возвращаться к нему, когда угодно. Я люблю смотреть на озаренные лица таких счастливчиков. Мне жаль, что нельзя подарить такой ловец счастья всем желающим – стоит наша работа очень дорого, а сами амулеты собираются из драгоценностей. Обычным людям это не по карману. Все клиенты, как на подбор, важные господа и дамы: богачи, знать, да придворные.

Прилежным учеником меня не назвать, потому что мне быстро наскучивает однообразие, строгие правила и отсутствие свободы. В такие моменты я экспериментирую и заговариваю травинки и речные булыжники. Живые природные материалы мне нравятся гораздо больше, чем строгие и холодные драгоценности. А мой учитель считает, что я просто зря трачу время и свой дар на глупость и ересь. Но что плохого в разнообразии и отступлении от правил, если это ни-

кому не вредит?

***

Я задумываюсь, сидя в саду рядом с воротами особняка Чародея, и не сразу слышу ругань, доносящуюся из окна. Похоже, Мастер Эурт что-то не поделил с новым клиентом. Наверняка цена не устроила.

Через несколько минут Человек-плащ и сам появляется на пороге, быстрым раздраженным шагом удаляясь от дома. Его одежда пыльна и поношена – видно, долго он добирался сюда, а сговориться мастером не смог. У самых ворот взгляд карих сердитых глаз упирается в меня.

– Похоже, ваш хозяин сегодня в отвратном настроении?

– Вообще-то сегодня в относительно неплохом, – я задумчиво пережевываю травинку и решаю пропустить «хозяина» мимо ушей. – Был с утра, по крайней мере.

Мужчина язвительно хмыкает, а потом внимательно вглядывается в меня.

– А это не ты тот парень, который заморозил росу?

– Не заморозил, а кристаллизовал... неважно. Ну, я.

– То есть, ты можешь делать амулеты из обычной росы, а не только золотых и блестящих дорогих побрякушек?

– Не знаю... Я только отдельные маленькие предметы умею заговаривать. А чем вас не устроил обычный амулет от Чародея?

– Слишком блестящий, – улыбается человек в плаще. Почему-то этот бесхитростный парень вызывает все больше до-

верия. – Тебя как зовут?

– Тарпин. Я учусь на амулетчика. Вы что-то не поделили с Мастером Эуртом?

– А я Ларуз, – он присаживается рядом на траву. – Я пришел просить его о помощи, но гигантской суммы денег у меня нет. А главное – он наверняка может выполнить мою просьбу, но не хочет. Я хочу не просто сохранить воспоминания, а вернуть почти утраченные.

– То есть? Заменить новыми?

– Да нет же, – собеседник начинает активно жестикулировать. – Несколько месяцев назад на меня напали какие-то разбойники и ударили по голове. Память отшибло начисто. Я только смутно иногда вспоминаю какие-то обрывки. Мне кажется, я забыл кого-то или что-то важное. Мне нужно, чтобы колдун помог наколдовать воспоминания обратно.

– Но мы не можем нашептать то, чего нет, только отчетливые воспоминания.

– Да, я знаю. Но можно же нашептать то, как я очнулся в канаве с разбитой головой. Или нападение грабителей. Я знаю, что оно было, но если смогу вспомнить, то вдруг это поможет пробудить старые воспоминания?

– Так, подождите. Но это же негативное воспоминание. – Я начинаю яростно тереть висок, глядя на то, как он лихорадочно машет руками.

– Ну и что?

– Мы никогда не заговариваем на плохие воспоминания,

понимаете? Только на счастливые. Вроде свадеб, рождения наследников, коронации...

– Тарпин, к Хаосу коронацию. Какая разница, какое воспоминание будет в амулете?

– Такая, что нельзя сохранять печаль и страхи!

– Почему?

Вот этот вопрос я себе задавал часто и на протяжении многих лет. Почему мы следуем правилам и отрицаем все остальное? Почему нельзя использовать простые дары природы? Из-за чего нельзя делать дешевые амулеты для простых людей? Что плохого в создании новых идей и правил? Этот человек в пыльном плаще как будто знал, как задеть меня за живое.

– Ты и сам, похоже, не в восторге от запретов, раз заговариваешь росу и споришь с чародеем?

– А вы не слишком проникательны для человека, которому врезали по голове и отбили память? – ворчу я.

– Это же было давно, – улыбается Ларуз, а потом резко становится серьезным. – У меня денег немного, но я отдам все, если согласишься помочь.

– Да не нужны мне ваши деньги. И потерянные воспоминания я не умею возвращать. Да и разрешения на использование дорогих металлов и камней на неоплаченный амулет мне никто не даст, – я явно кошусь на собеседника, как на сумасшедшего, а он цепляется за последнюю надежду.

– И не надо. Делай из своей замороженной росы.

– Кристаллизованной...

– Хотя в воздухе подвешенной. И не говори, что тебя не заинтересовала идея, у тебя же глаза блестят.

– Да вы сумасшедший! Мастер Эурт нас обоих выпотрошит, если я соглашусь. Так что давайте сделаем вид, что этого разговора не было.

Мужчина задумчиво пожевал травинку и покосился на меня несколько раз.

– Ладно. Я поселюсь в деревне неподалеку и вернусь дня через три. Если твой учитель тебя не съест и ты сам не загнешься от скуки, то, может быть, попробуем договорить еще раз.

Я долго смотрел вслед удаляющейся фигуре и думал: «Вот ведь сумасброд с Хаосом в голове.»

Что-то общее у нас явно есть.

Глава 2

«Слышишь, колдун? Если будешь сидеть в таверне с таким кислым лицом, то все бутылки полопаются!» – веселится местный бард. За последние пару недель, я заметил, он старается заражать своим весельем всех вокруг. А еще он острый на язык и хищный, как зверек.

«А если он начнет сверлить таким взглядом тебя, что с тобой случится?» – шутливо поддевает его Ларуз. Шут только фыркает и переходит за соседний столик. Раньше все местные косились на меня с подозрением, а сейчас привыкли.

Плетуны почти никогда не появляются в жизни обычных людей.

А я что? Сначала отказался от странной идеи – сплести амулет, который вернет воспоминания. А потом подумал пару дней и решил, что получить такое интересное задание шанса больше не будет.

Ничего из арсенала учителя использовать не стал – собрал природные материалы, которые понравились, сплел первый амулет. И... ничего не вышло, память не вернулась. Пришлось пошевелить мозгами, перечитать десятки книг. И я вспомнил, почему все ловцы делаются индивидуально для каждого человека. Их собирают не просто из красивых материалов, они должны быть привязаны к тому, что человеку дорого, тревожить его воспоминания. Затрагивать важную часть его личности.

А какие предметы важны для человека, который сам себя не помнит?

– Между нами, бард прав, ты сегодня выглядишь так, как будто не спишь и не ешь, – замечает мой спутник.

– И не соображаю?

– Да не злись ты. Мы же сдвинулись с мертвой точки за прошедшие две луны. Возможно, нужно больше времени.

– Или я что-то важное упускаю.

Сдвинулись. Я не нашел другого способа, кроме как начать вливаться в жизнь поселян, пытаюсь понять, какие вещи важны для моего беспмятного знакомого.

Ларуз был спокоен, как скала, и легко находил общий язык с людьми. В отличие от меня. Внезапно оказалось, что он неплохо работает с деревом и плетет корзины – так появилась и работа. Затем друзья, посиделки в таверне, песни менестрелей и долгие застольные разговоры. Каждый из нас открывал для себя новый мир. Для меня это была жизнь деревенских жителей, от которой я был с детства оторван, пока корпел над магией, а для Ларуза жизнь вообще была как чистая книга. Мы быстро сдружились, хотя и не были похожи.

Я собрал щепки с обструганных бревен, угли из очага тесной лачуги, в которой жил мой друг. Пух и перья птиц, которых он приносил с охоты. Подходящие по цвету и силе камни. Как будто собирал мозаику из кусочков чьей-то жизни.

Так появился второй амулет, с перьями и речными камнями. И он сработал! Но неправильно. Ларуз вспомнил, как на него напали и ударили по голове, а что было до этого – нет. И третий амулет из пуха и ветвей ивы, с висящими щепочками, буквально искривший магией, память вернуть не смог.

Мы продвинулись недостаточно, и меня это приводило в бешенство. Чего не хватает? Раз за разом я собираю предметы, ингредиенты, часами пою заклинания, но ловец не работает...

«И в волосы твои вплетет незаметный цветок, что зовут незабудкой...» – бард затянул высоким голосом заунывную балладу. Она печальная, в конце кто-то погибает, так что радости мне не добавляет. «Цветок незабудки и светлый хру-

сталь...» – тихим скрипучим голосом вдруг начинает подпевать Ларуз.

– Ты уже успел выучить местные песни? Впервые слышу, чтобы ты пел, – уточняю я, когда баллада заканчивается.

– Нет... эту я как будто знал. Узнал мотив, а слова запомнил с первого прослушивания.

– То есть ты ее до потери памяти хорошо знал? – удивленно склоняю голову я. – Разве ты не должен был вообще все забыть?

– Понятия не имею, как это работает. Ты в книгах вечно зарываешься – вот сам и думай, Тарпин, – улыбается друг.

***

С того момента интуиция не давала мне покоя. Как охотничий пес я взял след – нашел песню. Стал вновь собирать нужные предметы, действуя абсолютно наугад, ведь единственным моим ориентиром был текст баллады о прощальных незабудках, который я перечитывал себе под нос раз за разом. Наивно, конечно, но там есть хрусталь... и цветы, так почему бы их не добавить? Щепки, перья, мех. Вместо золотых нитей – сплетенные травинки. Вместо бусин – пух одуванчика, легкий, невесомый и исчезающий, как воспоминания. С песней было сложнее всего – я пытался сделать из нее заклинание, а потом просто оставил текст, добавил несколько магических слов и стал распевать по-своему. Еще несколько трав и камней для усиления.

Дней через девять я сплел и заговорил новый амулет.

Ларуз был в своей лачуге, вырезал красивые деревянные ложки. Там же юрким хорьком сновал наш приятель-бард.

– А вот и наш зеленый худощавый волшебный друг, – радостно поприветствовал он.

– Я тебе язык заплету когда-нибудь, – отмахиваюсь я.

– Ты хочешь разбить сердца всех местных красавиц? Чей чарующий голос они будут слушать? Не твои же заклинательные колыбельные?!

– Вы в моем доме еще соревнование певунов устройте, – ворчит Ларуз, обстукивая завершенные ложки. – Красиво звучат... ложки, а не ваша перепалка.

– Слушай, я попробовал сделать новый амулет... – проговорил я робко.

– О! – Две пары глаз смотрят настороженно и с любопытством.

– Тебе надо будет взять его и попеть ему ту твою любимую балладу...

– Зачем?

– Потому что я ее на нее заговорил... Да не спрашивай, просто спой про незабудки.

Я достаю и протягиваю ему новый амулет. Он красивый, с хрусталем и речными затвердевшими каплями, сушеными цветами и листьями ивы.

– Хотите, я могу спеть? – Встревает бард.

– Скройся... Ларуз, только не отвлекайся, как будто здесь никого нет. Смотри в середину и пой так, как будто хочешь

рассказать амулету эту историю.

Когда он затянул своим скрипучим голосом первый куплет, взгляд его стал совершенно мутным. А потом он перестал нас видеть и слышать, растворившись в себе.

***

– С ума сойти! Вы бы видели его глаза в тот миг! Они же были стеклянными, как у мертвого!

– А вот этого болтуна ты можешь заговорить?

– Сидел, смотрел в амулет, раскачивался...

– Жуть!

В таверне царил полный хаос. Мы сидели за дальним столом в углу, а вокруг собиралась любопытная толпа. Ларуз после обряда весь день выглядел так, как будто его снова по голове ударили. Я думал, что таверна вновь вернет его в реальность. Но когда мы туда пришли, нас обсуждали все сбегавшиеся местные. Бард первым делом поднял на уши деревню и побежал сочинять «героическую хвалебную песню» о том, как амулет сработал. Так что теперь мне хотелось забиться еще дальше в угол.

– Ты как? – ткнул я друга локтем.

– Странно. Я как будто здесь и в прошлом одновременно... память кусками возвращается. Может, завтра все станет понятнее? – Ларуз рассеянно сверлил взглядом большую кружку, но не прикасался к ней.

– Посмотрим...

– А сейчас будет песня про моего худошавого друга-мага,

который, вопреки всем толстосумам, помогает простым людям! Сегодня он вернул память нашему древоделу!

– К Хаосу этого барда... – тихо шиплю я в углу стола.

***

Почему-то новость, которую люди передают из уст в уста, летит быстрее любых писем и официальных посланий. А уж новая заметная песня разлетается с сумасшедшей скоростью.

«Песни свободны, им никто не указ», – улыбается на мое ворчание друг. – Тебе ли, Тарпин, не знать, сколько в музыке заключено силы?»

Ларуз дал себе три дня на сборы – доделывал заказы, готовил провиант. Теперь он надеялся вернуться на запряженной повозке домой. К жене и дочери.

«Ты знаешь, она же все время пела эту песню вместо колыбельной. Малышка только под «Незабудки» и засыпала. Вот почему песня так вбилась, что забыть невозможно...» – сказал он мне, когда пришёл в себя после обретения воспоминаний.

Я радовался за друга, хотя скорое расставание расстраивало обоих. Да и что дальше делать, я не знал. Теперь привычные занятия и учеба казались скучными. В них не было места мечтам и экспериментам, приключениям и вызову... Я уже заранее тосковал по таверне, долгим разговорам и поиску решений.

А потом жизнь сама захлестнула петлей и повела другой

дорогой.

Слухи и песня о чудесном амулете долетели до Мастера Эурта, моего учителя. Не последнюю роль в этом сыграла его любимица-ученица. А сложить все детали и разгадать правду было несложно – ведь сначала Ларуз приходил за помощью именно к нему. Мастер нашел в деревне самого Ларуза, амулет и вышел на меня. Другу ничего не грозило, ведь он не маг, а обычный заказчик. За глупость ответственным был я.

– Ты хотя бы понимаешь, что сделал не так? Хоть что-то понимает твоя пустая голова? Мы не сохраняем в ловцах «негатив», это темная магия!

– Мастер, в нем нет темной магии... только привязки к воспоминаниям, от которых почти ничего не осталось...

– Они исчезли, а негатив оттого, что его травмировали, остался! Негатив! – Эурт кричал так, что замок сотрясался.

– Я не использовал ничего темного и запрещенного! Там только природные материалы и...

– Варварство! Первобытный беспредел! Опустился до шаманизма, который сам себя изжил, – учитель резко прикусил язык.

– Значит, есть то, чего вы не рассказывали? Были амулетчики, которые собирали воспоминания, как я?

– Это тебя не касается, – отрезал он. – Ты не с теми силами связывается, мальчишка. Я не хочу, но придется созывать по тебе совет магов...

***

На совете присутствовало множество известных и влиятельных колдунов, среди которых были даже придворные. Так Мастер сказал. Я-то никого из них не знал и сидел со скучающим видом, хотя внутри все бурлило. Спорить и оправдываться было бесполезно – слова мне не дали. Одобрить идею помощи простым людям? И речи быть не может. Амулеты не из золота и драгоценностей, а из веточек и перышек? Первобытное варварство.

Большую часть слов и обвинений я не понял, кроме финального вердикта: меня изгоняют из учеников мага, лишают доступа к дорогим ценным материалам. Заодно я теряю дом, ремесло и весь привычный жизненный уклад. А я еще на скуку жаловался... А вот что делать теперь? Куда идти, чем заниматься?

– Я же говорил, упрямство до добра не доводит... Сложно было делать то, что тебе говорят?

– Сложно. – я стою у ворот, держа в руках скромный мешок с пожитками и глядя Мастеру в глаза. Совет давно отгремел в стенах особняка, а я до сих пор слышу эхо. – Простите, Мастер, но не мое это. Я не могу жить по указке, когда могу помочь кому-то сделать жизнь лучше...

– А самому себе? Стоило оно того, чтобы всю жизнь губить? Тебе самому кто поможет, сердобольный?

Я молча злюсь на него, себя, Совет. Он прав в том, что идти мне некуда.

– Не знаю, как ты будешь выкручиваться, но послушай

совета. Не задерживайся нигде надолго – у тебя уже слишком много врагов. Не сражайся с властями и теми, кто сильнее тебя. Может, выживешь...

– Разве не Вы сами сдали меня своему совету магов? – злобно бросаю я.

– Если бы я этого не сделал, а правда всплыла бы другим способом, то тебя бы сразу казнили как темного мага.

Мастер Эурт злится в ответ и вдруг резко смягчается: Я тебя вырастил все-таки. И теперь спасаю, как могу.

Я сдуваюсь, злость улетучивается. Я ведь знал, что меня за непослушание не похвалят, когда решился сплести тот амулет.

– Мастер, я бы все равно не смог всю жизнь золотые одинаковые нити вплетать...

– Тарпин, я все знаю. Завел бы свою школу, устроился бы магом, стал бы уважаемым... Все, забудь, – учитель только раздосадовано рукой машет. – Не стать лошади ослом. Раз выбрал путь, учись своему шаманизму дальше сам, придумаешь новые правила.

Бывший Мастер резко разворачивается на каблуках, чтобы уйти не попрощавшись.

– Спасибо, – шепчу я. Идеально ровная, жесткая спина вздрагивает, но он уходит, не обернувшись.

***

– Тарпин, куда же ты пойдешь? Еще и не задерживаясь нигде надолго?

– Понятия не имею, – я уныло ворошу палкой древесные стружки, – куда дорога поведет.

– Так поехали со мной, поселишься с нашей семьей...

– Ларуз, ты для начала сам вернись и найди семью. Но я не останусь. Он ясно дал понять, что врагов у меня теперь немало, и опасности подвергать никого не стоит...

– И что? Не в пещере же тебе одинокой теперь жить?

– Может, и в пещере...

– Глупость несешь, – внезапно встречается бард, о котором мы почти забыли. – Тебе же сказали – изучай дальше свое ремесло.

– И что?

– То! Ты теперь будешь помогать обычным людям, как и хотел, и создавать амулеты, какие вздумается. Знаешь, как живут бродячие менестрели?

– Да, объявления буду раздавать: «Бродячий маг-недоучка, решаю проблемы с воспоминаниями...»

– Я сейчас впервые говорю серьезно, – щелкает меня по лбу наглый музыкант. – А объявления не нужны – про тебя все соседние деревни уже слышали, чем больше сделаешь – тем больше людей узнает. Может, я еще пару песен сочиню, чтобы еще больше людей их слушало.

– И разбивались сердца прекрасных девиц, – закатываю глаза я.

– Конечно! – мечтательно тянет Бард.

– Но он прав, – качает головой Ларуз. – Это и будет твое

ремесло, как у меня – резьба по дереву. Люди тебя и сами найдут. А уж песня летит, быстрокрылая... Найдем, чем тебя снабдить. Забирай мою легкую тележку – мне одной лошади хватит, чтобы до дома добраться.

– С чего вы оба решили, что я с такой жизнью справлюсь? Я не бродяга, не выживал в походах, даже в магии не мастер...

– А какой у тебя есть выбор? Каждый из нас с чего-то начинал, – утешает бард.

– Не отчаивайся, Тарпин. Может быть, конец привычной жизни на самом деле – начало новой?

Глава 3

Энтузиазма друзей я не разделял, но сидеть на месте было нельзя. Хорошо, что забрал пару книг по целительству травами – будет, чем заняться. Ларуз отдал мне легкую повозку с овальным навесом и шерстяной плащ – собирал для своей поездки домой. Бард выторговал у кого-то лошадь. А потом стали приходить местные жители, приносить небольшие теплые вещи и еду.

Нас с Ларузом многие видели и знали, привыкли за последние месяцы, а про историю с амулетом и моим изгнанием теперь не слышал разве что глухой. Кто-то спросил меня, как же удалось вернуть моему другу потерянную память. «Бывают глубинные воспоминания, которые всегда остают-

ся с нами. Но чтобы они всплыли на поверхность, нужно напомнить, найти такой «крючок», которым удастся их зацепить. И таким крючком стала песня, и предметы, которые всю жизнь интересовали Ларуза...» – пустился я в объяснения. Не уверен, что меня поняли, но смотрели с уважением и помогали, чем могли.

Долго прощаться не пришлось. Повозку с лошастью подготовили за несколько часов, потом настало время прощаться. Бард пожелал мне научиться, наконец, нормально петь. Он язва, конечно, но сделал для меня много. С Ларузом мы разговаривали дольше всего. Какое бы расстояние нас ни разделяло, друзьями мы останемся навсегда, ведь нам удалось изменить жизнь друг друга. К лучшему это, или нет – только время покажет.

И потянулась бесконечная дорога. Спешить некуда – я обновлял знания о целебных травах, собирая их по пути. В первой деревне сразу представился путешественником и аптекарем. Но деревня была недалеко от моего бывшего дома, так что меня узнали. И попросили сплести амулет для бедной старушки-вдовы. Она недавно потеряла мужа и единственного сына, их забрала жуткая болезнь. Вдова одна сходилась с ума от горя, и никого не хотела видеть. Я хотел заикнуться о том, что болезненные воспоминания не сохраняю и от душевных травм не лечу. А потом посмотрел на несчастную старушку и вспомнил, что за несколько месяцев до этого и амулеты из простых камней не делал.

В той истории все было отчасти проще, чем с Ларузом. Вдова сначала не хотела меня слушать, а потом сдалась, расплакалась и начала рассказывать о своей семье. Мы сохранили еще счастливые воспоминания о близких. Вместо камней я добавил затвердевшие слезы. А в заклинание превратили их любимую с мужем песню, и вот я снова увидел стеклянный, затуманенный взгляд, а затем бабушка уснула. На следующий день она проснулась другой – боль и горе ушли, осталось смирение. Близких не вернуть, но силы жить дальше у нее появились. Провожали меня всей деревней. В благодарность старушка подарила мне вязаный теплый колпак. А провожая, сказала: «Ты приносишь в жизнь облегчение, сдуваешь боль, как вольный ветер...».

Вот так меня и стали звать забавным именем Тарпин Вольный-Ветер. Сначала я смеялся, потом привык. И колпак удобный оказался, узнаваемый. Так, переезжая из деревни в деревню, я учился всему амулетному делу заново. Денег за это не брал, платили только за травяные лекарства. Жители деревень обычно относились ко мне радушно, помогали едой, вещами, починить что-то, лошадь подковать. Пару раз натыкался на мелких грабителей, но удавалось откупиться или «зубы заговорить». Один раз попала деревня, из которой местные жители прогоняли с кулаками – не любят там колдунов и знахарей. Расположение запомнил, больше туда не поеду.

С властями и влиятельными магами я не связывался и

встреч с ними старался избегать. Если спрашивали, отвечал, что я обычный знахарь-травник, даже не маг почти, торгую мазями. Таких было немало, поэтому обычно верили. Но однажды случилась неприятная история, когда охрана небольшого городка решила меня проверить и запереть в подвале местной «тюрьмы, потому что слухи о странном амулетчике волновали градоначальника. Официально законы я не нарушаю, но рискую перейти дорогу «правильным» магам, которые плетут только для знати и богачей, а такое никому не понравится. Опасная была ситуация, но меня спасло то, что к моменту ареста я уже успел помочь некоторым местным. Несколько горожан скинулись, каждый по несколько монет – этого хватило, чтобы выкупить меня из местной тюрьмы. Так люди помогали мне за мое ремесло. Но я старался ни к кому не привязываться, не задерживаться дольше, чем на неделю. И почти в каждой таверне, где меня узнавали, звучала знакомая песня о волшебном амулете, который дыру в памяти заштопал. Приятель-бард и Ларуз были правы – песни крылаты. И та песня меня охраняла, как нечто, приносящее удачу.

***

Так прошел целый год. Я продолжал колесить по деревням, иногда меняя лошадей и колеса тележки. Амулеты, травы и песни всегда оставались при мне. Год – не так уж много, но я уже начал забывать, какой жизнью я жил до того, как уехал – видимо, настолько та была скучной и однообразной.

Быть путешествуящим знахарем непросто, временами опасно, зато каждый день, наполнен событиями или природой и дорогой. Может, когда-то это пугало, а сейчас я радовался тому, как провожу жизнь под звездным небом и навесом повозки. В каждой деревне я проводил дня по четыре, иногда чуть дольше. И только в одной чуть не задержался надолго.

Я поселился на втором этаже таверны – там можно было снять недорогой чердак и для лошади стойло удобное к тому же. Проснувшись с утра пораньше, я спустился в конюшню, чтобы забрать корзинку и мешки – надо было пособирать в окрестностях травы и ягоды. Я думал, что кроме меня и лошадей в конюшне никого, пока звонкий голос из соседнего стойла не одернул:

– А ты правда колдун?

– Если верить людям, то правда, – обернулся я и стал выискивать взглядом, откуда доносится голос. Похоже, детский.

– А что ты умеешь?

– Ну... травы с камнями заговаривать.

– Seriously? – разочарованно протянул звонкий голосок, хозяин которого прятался за лошадьми. – старуха-гадалка на краю нашей деревни также делает. Поплюет на воду, похлопает в ладоши, и посевы начинает поедать меньше насекомых.

– Интересный способ, – я наконец понял, из какого стойла долетает голос и подкрался к нему, – но я не плююсь, я пою

заклинания.

Я ожидал увидеть любопытного ребенка со звонким голосом. И внезапно встретился взглядом с ярко-зелеными глазами, которые разглядывали меня с любопытством, но без страха. Это была девушка примерно моего возраста, невысокая, милая, с пушистыми светлыми волосами и глазами цвета весенней листвы.

– Я думал, ты – ребенок...

– А я думала, что все маги – это седые суровые вельможи, важные, как индюки.

– Обычно так и бывает, – смущенно хмыкнул я, – ладно, мне пора в лес.

– Колдовать? – зеленые глаза загорелись, как у кошки в темноте.

– Сливы собирать.

– Для зелий?

– Для еды, – поддел ее я. – Я Тарпин, кстати.

– Я знаю. Ты живешь в таверне моего отца. Я Маисс. – она тепло улыбнулась и выпорхнула из конюшни.

***

Сначала я относился к ней настороженно, а она заваливала меня вопросами о колдовстве, путешествиях, травах, магах, чутье. Дня через три я к ней привык, и мы уже вместе бродили по лесам. Родители особенно не следили за ее перемещениями, у них было много дел в таверне, но там обычно помогали старшие братья. Маисс не была избалованной, но

была себе на уме и делала все по-своему. За несколько дней я рассказал ей многое о магии, мне нравилась ее компания, да и в травах она разбиралась не хуже меня. А она рассказывала о своей жизни в деревне: ей не очень нравилось жить в таверне, она помогала родителям, была любимой и единственной дочкой. Но они хотели просто удачно выдать ее замуж. А Маисс была слишком свободолюбивой. С самого детства в таверне она слушала истории о путешествиях и приключениях гостей и мечтала быть похожей на них. К шестнадцати годам, когда мы познакомились, она твердо решила, что не хочет всю жизнь прожить в своей маленькой деревне. Нам было легко вместе, мы могли болтать часами. Она наблюдала, как я готовлю травы, общаюсь с людьми, собираю материалы для ловцов. Я не хотел к ней привязываться, но и уезжать уже не хотел. Так прошло почти две недели.

«Желуди все равно еще не созрели, оставь бедные деревья в покое», – я с беспокойством следил за Маисс, которая трясла, ловко карабкалась по дереву, дергая за ветки. Мне под ноги сыпались зеленые желуди и резные листья. Печеные желуди – это вкусно, конечно, но наблюдать за худенькой девушкой, которая на высоте вот-вот запутается в огромных шароварах брата, было жутко.

– Они красивые! Может быть, пригодятся для твоих амулетов, – заявляет она, но, к моему облегчению, с дерева все же слезает. – А что стало с твоими друзьями, от которых ты уехал?

– Ну, с Ларузом мы иногда пишем друг другу письма и отправляем с воронами...

– Почему с воронами?

– Потому что они умные и всегда легко меня находят. Я знаю, что он вернулся домой, нашел жену и дочь. Судя по письмам, счастлив. Вырезает из дерева. Я собираюсь доехать до него со временем, правда, отсюда неблизко.

– А что стало с бардом?

– Как что? – я закатываю глаза. – он своими чарующими песнями по-прежнему разбивает сердца...

– Юных красавиц! – смех Маисс похож на птичий мелодичный щебет.

– Почему ты вдруг решила спросить?

– Ну... отец сказал, что волшебник Вольный Ветер собирается скоро уезжать. Почему ты мне сам не сказал?

– Сказал бы сегодня...

– Тарпин! Еще бы сказал, что мне тоже будешь письма писать и отправлять с воронами, – в глазах у нее плескалась жгучая обида. Она знала, что я не могу долго оставаться на месте, и все же...

– Если будешь на них отвечать – буду, – полусерьезно ответил я. Она снова недовольно фыркнула.

– А может, ты лучше сам останешься...

– Что? Нет. Я не могу, Маисс, ты же знаешь.

– Поселился бы на окраине, как наша гадалка, торговал бы снадобьями, никто бы тебя не стал искать...

– Откуда ты знаешь? – я оборвал ее слишком жестко и уже об этом пожалел. – Неприятности с магами у меня уже были. Я не стану подвергать никого опасности. Тебя, твою деревню, себя. Хватит обижаться.

– Ну и ладно, – надулась девушка. – Раз так хочется – уезжай.

– Нет, не хочется, – я подхожу и слабо дергаю ее за пушистый локон. – Но придется. Сегодня нужно доделать последний заказ. Ты хотела посмотреть, как я заговариваю амулеты.

– Поешь камням? Ты же говоришь, что я тебя отвлекаю. – она все еще злится, но уже меньше.

– А ты просто веди себя тихо, – улыбаюсь я.

Маисс вздыхает. Но я знаю, что ей интересно все про магию, знаю, чем отвлечь. «Возьми желуди на память.» – она пересылает мне в ладонь зеленую горсть, яркую, как цвет ее глаз.

***

Во время работы каждый сосредоточен, ведь сборка амулета процесс непростой, а может повлиять на жизнь человека. Маисс была идеальной помощницей: находила все нужные компоненты, помогала плести основу, подобрать звучание песен. А потом она пряталась и несколько часов наблюдала, как я общаюсь с человеком, как на него действует амулет, сначала затягивая их в омут воспоминаний, а потом отпуская вместе с болью. Я оставил последнего заказчика спать под присмотром родственников, и мы пешком через окраи-

ну стали возвращаться к таверне. Уже начинало смеркаться, в деревне загорались огни в окнах. День был насыщенным.

– Я не хочу оставаться здесь! – внезапно, без предисловий заявила подруга. И в ответ на мой недоуменный взгляд добавила:» Ты свободен и живешь, как хочешь, делаешь то, что тебе нравится. А меня здесь ждет брак с кем-то, кого выберут родители, всю жизнь в деревне, ни магии, ни приключений...»

– Маисс, я не выбирал такую жизнь, она меня сама нашла. И все не так сахарно и легко, как кажется. Крыши над головой нет, вечно в бегах, зависишь от погоды, людей, урожая... И это не просто – пропускать через себя чужие переживания и страдания, отпускать их на свободу. Это только со стороны жизнь – вольный ветер, но в ней много сложностей. И не говори, что ты бы выбрала это, а не спокойную жизнь в деревне.

– Выбрала бы. Я хочу разговаривать с травами, ты же видел, у меня получается, у меня есть способности!

– Если они есть, то лучше отправляйся учиться к нормальным магам-амулетчикам. Ремеслу обучат, будешь жить в спокойствии и колдовать...

– И всю жизнь из золота собирать все по линейке, чтобы угодить богатеям? Ну, спасибо, Тарпин...

– А чего ты хочешь?

– Я хочу уехать вместе с тобой!

– Да глупая это идея! Я недоучка и ничему толком тебя

не научу. Я вечно в бегах и не знаю, что будет завтра...

– Так и будешь всю жизнь один бегать? Нравится?

– Буду, и дорога эта без конца. Я просто пытаюсь тебя защитить.

– Я тебя от этом не просила. Тарпин, ты ничего не понимаешь...

– Все я понимаю. Тебе лишь кажется, что тебе понравилась бы моя жизнь, но ничего привычного и удобного в ней нет. Я не пытаюсь тебя оттолкнуть. Если бы я остался среди амулетчиков, у нас был бы дом и безопасная жизнь. А так я ничего не могу тебе дать, кроме тревоги. Хочешь учиться магии – иди, но своей дорогой...

– А если я хочу идти рядом с тобой?

– И в тюрьму? И к грабителям на нож? И на плаху пойдешь за мной? – я жестко посмотрел ей в глаза и увидел, как в них замерли слезы. Она молча отвернулась и убежала по дороге вперед. Хотелось догнать, но тогда бы мы продолжили спорить.

А я ведь знал, что нельзя задерживаться и привязываться.
***

С утра я проснулся с рассветом, перетаскал с вечера наспех собранные вещи в свою повозку, накормил лошадь. Последний заказ я вчера выполнил, продал все мази, надо двигаться дальше. На первом этаже на посту дремал один из старших братьев Маисс, я впихнул ему ключи и попросил передать семье все слова благодарности и извинения за вне-

запное исчезновение.

Маршрут я заранее наметил, и вот лошадь медленно тронулась с места. Сердце сжало какой-то злобной тоской. Я же с ней даже не попрощался нормально, и скорее всего больше не вернусь. В кармане мешалось что-то жесткое – оказалось, подаренные желуди. Я постоянно сомневался, не сделал ли ошибку, а потом напоминал себе, что на что-то надеяться – глупо. Глупо было больше двух недель здесь жить, каждый день общаться, сближаться так сильно с человеком, которого больше не увидишь. Зачем надо было доверять друг другу? Вот и страдай теперь, Вольный Ветер, тоже мне. Теперь навсегда привязан сожалениями к этой далекой деревне.

Солнце поднималось все выше. Травинки перестали поблескивать росой, накатывала жара. Дорога вилась в бесконечность. Обычно меня радуют новые незнакомые пути и будущие интересные события. Но в этот раз настроения не было. С лошадью мне повезло: она умная, пока спокойно идет по дороге – можно подремать.

Я открыл глаза, когда мы уже полдня проехали спокойным шагом. На небе стягивались грозовые тучи, а до ближайшей деревни еще день езды... надо ускоряться, или искать укрытие в скалах. Далекий шум, похожий на гром, мы с лошадью услышали почти одновременно. Копыта! Хоть бы не разбойники, в подлеске и покатых скалах даже не спрячешься. Всадник нас нагнал в два счета и скинул капюшон.

– Вот повезло, что ты едешь день по прямой дороге...

– Маисс! К Хаосу, да что ты здесь делаешь?

– Тарпин, подожди! Слушай, ты сказал, что хочешь меня защитить...

– Вот именно!

– Но если я пойду учиться к магам, то буду себя чувствовать среди них чужой и постоянно сбегать в лес, как ты... И в итоге приду к той же простой магии, и стану кочевать, и жить той же опасной жизнью, только в одиночку и через кучу лет... А дома я не останусь, все равно сбегу куда угодно. Уже сбежала, точнее...

– То есть ты весь день гнала лошадь, чтобы сказать мне, что я не прав? – я был просто в бешенстве.

– Да! Нет! Я хотела сказать, что оставила записку и ушла из дома, потому что как раньше скучной и обыденной жизнью больше жить не могу. Если ты злишься, не хочешь меня видеть или думаешь, что я не справлюсь, то скажи мне это сам, и я навсегда скроюсь.

Я тихо и молча перевариваю и злобно на нее кошусь. Вообще она права, ведь все равно станет такой же бродячей знахаркой, раз уже решила. С ее-то упрямством. С одной стороны, она могла вместе со мной столкнуться с кучей неприятностей, а с другой – отпускать и повторно терять ее навсегда уже невыносимо. Но я же не смогу ее оберегать все время...

И вдруг Маисс начинает петь. Простую песенку, которая часто звучит на застольях, в тавернах, в полях у крестьян. С ее голосом любая мелодия начинает разливаться как пес-

ня соловья. Песня заполняет пространство, захлестывает все вокруг. И вдруг я замечаю, как к нам тянется лес. Деревья протягивают ветки, трава шевелится, как живая. Нас засыпает разноцветный вихрь листьев, и каждый пытается дотянуться, вдохнуть в себя песню. Маисс не просто хорошо разбиралась в травах, как я раньше думал. Она была частью леса, и тот прислушивался к ней, как к моим песням прислушивались камни. Травинки вокруг послушно расплелись, когда музыка закончилась, и все одновременно вышло из оцепенения. Я вздрогнул, как будто тоже только проснулся и задумчиво посмотрел на девушку.

– Я тоже умею петь камням, травинкам... – шмыгнула носом Маисс.

– Ты как хочешь, а я не хочу во время грозы здесь оставаться. Помогай перестегивать лошадь, надо в скалах поискать какое-то укрытие...

– Это что, ты больше не будешь от меня убегать? – она смеется своим задорным смехом, перепрыгивая на мою повозку и повисая на моих плечах. – А имя магическое ты мне тоже придумашь теперь?

– Что? – ошарашенно пошатываюсь я, пытаюсь удержаться на ногах.

– Ну, у тебя же есть, Вольный Ветер.

– Это не я придумал, случайно вышло... А вообще, давай тебя буду звать Зеленым Орешком. – подтруниваю я и получаю легкий удар кулаком в плечо.

– Зеленый Орешек, – фыркает она. – ладно, мне даже нравится. А мы увидим твоих старых друзей? – не переставая щебечет она, пока мы занимаемся лошадьми.

В водовороте перемен всегда сложно принять, что конец привычной жизни – на самом деле лишь начало новой.

*Посвящается памяти странствующей
и переехавшей в Индию художницы,
которая разжигала в людях огонь вдохновения.*